

УДК 316.3+331.1
<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-4-492-500>

Дисциплинарное общество как предпосылка формирования организационной культуры

Андрей Евгеньевич Вологин

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия,
vologinandrey@mail.ru

Аннотация

Цель. Выявить соотношение нарративов «организационная культура» и «организационное поведение» с метанарративами «экономизм» и «дисциплинарное общество» как принадлежащих к единому цивилизационному пространству.

Задачи. Проследить историческую обусловленность возникновения понятий «организационная культура» и «организационное поведение» как концептов и норм дисциплинарного общества, а также их взаимосвязь с технологиями социальной инженерии, направленными на рационализацию труда.

Методология. Автором применены общенаучные методы текстологического и сравнительного анализа, синтеза, а также базовые принципы историко-философского метода исследования.

Результаты. Показано единство ценностно-смысловых предпосылок между концептами «организационное поведение» и «дисциплинарное общество». Важнейшие инструменты влияния и контроля дисциплинарного общества, в частности паноптизм, используют и для формирования организационной культуры. Индивидуальный самоконтроль — «техника-себя» — порождается людьми вследствие осознания ими тотального контроля над собой. Человек контролирует себя, если он хочет быть единицей общества или трудового коллектива. На этом и основаны такие формы социальной инженерии, как «организационная культура» и «организационное поведение».

Выводы. Идея дисциплинарного общества состоит в том, чтобы итогом социализации человека стала бы его подконтрольность социально-политическим институтам господства. Подконтрольность человека власти становится условием его полезности, в том числе экономической. Однако задача организационной культуры состоит в нахождении способов, при которых человек, будучи дисциплинированным в приемлемых для общества рамках, сохраняет стремление к творчеству, что необходимо для общества и его институтов как условие развития.

Ключевые слова: рациональность, экономизм, поведенческая экономика, модерн, постмодерн, культурные коды, социальная инженерия, дисциплинарное общество, этика, организационная культура, организационное поведение

Для цитирования: Вологин А. Е. Дисциплинарное общество как предпосылка формирования организационной культуры // *Экономика и управление*. 2024. Т. 30. № 4. С. 492–500. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-4-492-500>

Disciplinary society as a prerequisite for the formation of organizational culture

Andrey E. Vologin

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia, vologinandrey@mail.ru

Abstract

Aim. To identify the correlation of the narratives “organizational culture” and “organizational behavior” with the metanarratives “economism” and “disciplinary society” as belonging to a single civilizational space.

© Вологин А. Е., 2024

Objectives. To trace the historical conditionality of the emergence of the concepts of “organizational culture” and “organizational behavior” as concepts and norms of disciplinary society; on the basis of these concepts to convey the desire to develop optimal technologies of social engineering to rationalize work.

Methods. The author applied general scientific methods of textual and comparative analysis, synthesis, as well as basic principles of historical and philosophical method of research.

Results. The unity of value and semantic assumptions between the concepts of “organizational behavior” and “disciplinary society” is shown. The most important tools of influence and control of disciplinary society, in particular panopticism, are also used to form organizational culture. Individual self-control — “technique-self” — is generated by people due to their realization of total control over themselves. A person controls himself if he wants to be a unit of society or labor collective. This is the basis for such forms of social engineering as “organizational culture” and “organizational behavior”.

Conclusions. The idea of a disciplinary society is that the outcome of human socialization would be the controllability of man over the socio-political institutions of domination. Man’s controllability of power becomes a condition of his usefulness, including economic. However, the task of organizational culture is to find ways in which a person, being disciplined within the framework acceptable to society, retains the desire for creativity, which is necessary for society and its institutions as a condition for development.

Keywords: *rationality, economism, behavioral economics, modernity, postmodernity, cultural codes, social engineering, disciplinary society, ethics, organizational culture, organizational behavior*

For citation: Volgin A.E. Disciplinary society as a prerequisite for the formation of organizational culture. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(4):492-500. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-4-492-500>

Исследование феномена организационного поведения находится в культурном контексте логоцентризма и рационализма. Человеческие взаимоотношения и отношение людей к окружающей их реальности могут быть осмыслены как часть социального механизма, для которого актуальны определенные закономерности и которые, в свою очередь, могут быть поняты, организованы и управляемы рациональным путем.

Высокая значимость организационного поведения и организационной культуры именно в производственной деятельности подразумевает представление об экономике как о важнейшей сфере общественной и государственной жизни. Для экономизма в целом характерным является рассмотрение человека, прежде всего как носителя определенной производственной функции. Сделать эту функцию более эффективно выполняемой призвана организационная культура, которая и формирует модели организационного поведения.

Для руководителя трудового коллектива понимание сущности феномена организационного поведения становится важным для успешного управления, то есть для максимально эффективного распределения производственных ролей среди сотрудников, для построения организационной структу-

ры, эффективной при реализации тех или иных задач, для гибкого и успешного реагирования на разнообразные вызовы, для недопущения, минимизации и успешного преодоления возможных кризисов и т. д. Оптимальные модели организационного поведения позволяют из коллектива людей формировать эффективно работающие команды, объединять и канализировать в полезном для организации направлении творческие усилия сотрудников, уравновешивать индивидуальные амбиции и не допускать или минимизировать проявления контрпродуктивных действий в производственных коллективах.

За практически столетие изучения феномена организационного поведения и организационной культуры сформулировано множество определений. Чаще всего можно обнаружить дефиниции при определении сути организационного поведения как «способа мышления», «способа действия», «совокупности норм, ценностей, убеждений», то есть «образцов поведения», «неявного, невидимого и неформального сознания организации», своего рода совокупности способов, как формальных, так и неформальных, решений разнообразных спорных моментов и рабочих вопросов, возникающих в процессе деятельности компании [1].

Если анализировать их смысловую суть, не выделяя какое-либо одно, а пытаюсь понять то, что объединяет эти формулировки, то можно утверждать, что организационное подведение — это своего рода культурный код трудового коллектива предприятия, корпоративный культурный код, отражающий специфику организационной культуры организации, то есть «упорядоченное множество взаимосвязанных между собой образцов, стандартов, стереотипов, ограничений и установок» [2, с. 270], актуальное для конкретной организации в определенный момент времени. Такая трактовка подразумевает рассмотрение феномена организационного поведения как знаково-символической структуры и знаково-коммуникативной системы, существующей в сфере социально-культурных практик и составляющей часть социально-культурного контекста, в котором пребывает человек и частью которого является экономика.

История изучения организационной культуры и организационного поведения непрерывна и насчитывает примерно столетие. При этом нарративы о важности организационной культуры и организационного поведения представляются естественными проявлениями рационализма, который, в свою очередь, есть закономерное следствие логоцентризма как способа постижения и конструирования бытия. Много из того, что порождается рационально мыслящим творческим субъектом в его попытках осмыслить и упорядочить бытие с позиции здравого смысла, с точки зрения полезности и прагматизма, как, например, концепты экономизма и дисциплинарного общества, является содержанием социально-политических практик, актуальных для человечества в целом, что в полной мере относится и к технологиям воздействия на человеческое поведение.

Нарративы «организационная культура» и «организационное поведение» соотносятся с метанарративами «экономизм» и «дисциплинарное общество». Суть экономизма наиболее полно раскрывается в эпоху индустриализма, для социально-политических практик которой, в частности, характерна «организация масс для рациональной продукции на основе новейших технических изобретений. Бесконечно сложный образ нашей эпохи можно выразить в следующей формуле: массы, которые пользуются техническим аппаратом, и которые использованы

техническим аппаратом» [3, с. 14]. К тому же рациональной организации трудящихся масс для обеспечения функционирования производства придают первостепенное значение.

Различные концептуально-исторические версии экономизма (как, например, рыночная или плановая экономика) в той или иной степени подразумевали преобладание хрематистики, то есть получение индивидуальной или общественно-государственной прибыли стало главной целью хозяйственной деятельности. Это во многом предопределило характер исследований организационной культуры и организационного поведения именно как технологии социальной инженерии по рационализации труда с целью повышения его прибыльности.

Идея дисциплинарного общества состоит в том, чтобы сутью социализации человека, его воспитания и образования стала бы его подконтрольность социально-политическим институтам господства. Подконтрольность человека власти становится условием его полезности. При этом мы не имеем в виду воспитание исключительно личностного конформизма как жизненного кредо человека. Предсказуемость и подконтрольность проявлений неконформизма — это также приемлемый для дисциплинарного общества сценарий.

Личностный “Dasein” подразумевает самопрошание. Кто я, какова цель моего существования, где я нахожусь, что меня окружает, в каких взаимоотношениях я нахожусь с тем, что меня окружает? Примордиальные, вечные вопросы для человека «Тварь я дрожащая или право имею?», «Быть или не быть, вот в чем вопрос. Достойно ль смиряться под ударами судьбы, или надо оказать сопротивление?», отраженные в образной форме в литературе. Ответы на них являются основой личностной самоидентификации. Суть социализации и миссия культуры во многом сводятся к стремлению общества вытеснить или примирить на своих условиях личностные ответы на примордиальные вопросы, приемлемые для исторического контекста. Так или иначе дисциплинарное общество стремится управлять человеком, навязывая ему модели поведения и социальные роли.

Для формирования системы ценностей дисциплинарного общества Европы эпохи модерна большое значение (оставляем в прежней редакции, так как речь идет именно о европейской модели организации

дисциплинарного общества). Стремление к самопознанию как источнику философии и культуры, к тому, чтобы понять, каким образом человек мыслит себя, находилось в основе античного космо-психо-логоса. Способность человека к постижению внешнего и внутреннего мира определена присутствием в его природе *daimon*-а, то есть «внутреннего бога», «разумного духа», субстанции, благодаря которой, по словам Гераклита, «человек — свет в ночи / человек в ночи свет зажигает самому себе» [4, с. 216]. Такое понимание природы человека послужило предпосылкой для его восприятия как разумного существа, способного постигнуть истину и дать ответ на вопрос о смысле жизни, путях постижения этого смысла.

Как указано выше, концепт дисциплинарного общества отражает стремление рационализировать общественные отношения с целью превращения человеческого потенциала в ресурс для решения задач посредством взятия под контроль человеческих энергий и максимально целенаправленного их использования. Данное стремление на общесоциальном уровне соответствует индивидуальному стремлению человека найти ответы на фундаментальные жизненные вопросы, упорядочивая свои представления о мире: «Наибольшим позором покрывает себя душа человеческая, когда возмущается против мира... Ибо ропот по поводу чего-либо происходящего есть возмущение против природы Целого, объемлющей в своей части все другие существа... когда она (человеческая душа. — *Прим. авт.*) не сообразует своего действия и стремления с целью, но делает что-нибудь зря и без толку, ибо даже в пустяках следует сообразоваться с целью. Целью же разумных существ является повиновение разуму и закону древнейшего Града и устройства» [5, с. 281].

Иными словами, Марк Аврелий, как и другие стоики, утверждает, что человек может быть счастлив, если сохраняет невозмутимость, если он может избавляться и впредь не допускать к себе все ложное и разрушающее личность изнутри, ввергающее человека в состояние духовно-душевного беспокойства и неустроенности. Путь к этому — правильное мышление и достигнутое с его помощью знание о том, как устроен мир.

Мир устроен так, как он устроен, и человек должен понимать и знать, что и как он может изменить в мире, а что изменить ему не под силу. Люди не могут изменить

внешний мир, но могут изменить свое мировосприятие, изменив себя, в основном за счет дисциплины своих чувств и мыслей, за счет воли к власти и культивирования чувства долга. Долг мыслится как структурирующее качество и сущностное свойство бытия: долг есть неотъемлемая часть мирового порядка и для человека раскрывается как добродетель. Для стоиков важен практически-деятельный характер этического начала человека. Нравственность без поступков не имеет смысла. Посредством собственного этического поведения человек упорядочивает хаос в собственной душе и во внешнем мире.

Слово «дисциплина» происходит от слова «учиться»: “*disciplina*” – “*discere*”, то есть «учить». Поэтому слово «дисциплинированный» означает цивилизованный, а дисциплина является в большей мере результатом обучения, получения знаний о мире, обществе, человеке. Согласно философии стоиков, результатом дисциплинирования человеческого «Я» служит сосуществование в гармонии, основанной на знании, человеческого «Я» с обществом и природой. Именно дисциплина способствует правильному и позитивному для человека взаимодействию.

Без дисциплины человеку трудно стать лучше, богаче, трудно сдерживать натиск страстей, бороться с соблазнами, внутренними и внешними: «Поутру следует сказать себе: “Сегодня мне придется столкнуться с людьми навязчивыми, неблагодарными, заносчивыми, коварными, завистливыми, неуживчивыми (то есть проявлениями неупорядоченности мира знаниями. — *Прим. авт.*). Всеми этими свойствами они обязаны незнанию добра и зла. Я же, после того как познал и природу добра — оно прекрасно, — и природу зла — оно постыдно, — и природу самого заблуждающегося — он родной мне не по крови и общему происхождению, а по духу и божескому определению, — я не могу не потерпеть вреда от кого-либо из них — ведь никто не может вовлечь меня во что-либо постыдное, — ни гневаться на родное, ни ненавидеть его. Ибо мы созданы для совместной деятельности, как и ногу, руки, веки, верхняя и нижняя челюсти. Поэтому противодействовать друг другу — противно природе; но досадовать на людей и чуждаться их — и значит им противодействовать”» [5, с. 277].

Стоицизм имел большое влияние на формирование этики последующих эпох европейской истории. В частности, Юст Липсий

(Юстус Липсиус, 1547–1606), автор трактатов «О постоянстве» (“De Constantia in publicis malis”), «Руководство по стоической философии» (“Manuductionis ad Stoicam Philosophiam”) и «Физиологии стоиков» (“Physiologia Stoicorum”), способствовал переосмыслению и утверждению значимости стоицизма в новом историческом контексте, представляя его в качестве идейного основания этики наступающей эпохи модерна.

Этика стоицизма и западноевропейских версий христианства формировала трудовую этику Европы, утверждая, что труд является нравственным благом, а праздность ведет к духовному разложению. Смысл человеческих трудов, суть его цивилизаторской миссии состоит в созидании себя и общества. Одним из первых примеров воплощения идей о том, что труд облагораживает человека, в жизнь общества стали работные или дисциплинарные дома.

М. Фуко пишет: «Дисциплинарная власть не координирует силы для того, чтобы их ограничить, — она стремится объединить их таким образом, чтобы приумножить и использовать. Вместо того чтобы насильственно превращать все подчиненное ей в однородную массу, она разделяет, анализирует, различает и доводит процессы подразделения до необходимых и достаточных единиц.... Дисциплина формирует личности, она — специфическая техника власти, которая рассматривает индивидов и как объекты власти, и как орудия ее отправления. Не торжествующей власти, которая из-за собственной чрезмерности может гордиться своим всемогуществом, — а тихой, подозрительной власти, действующей как расчитанная, но постоянная экономия» [6, с. 248–249].

Христианская этика в значительной степени основана на дисциплинарных практиках, которые учитывали опыт Античности. Так, аскетические дисциплинарные практики должны были способствовать обузданию губительных для души человека страстей, и без этого было невозможным спасение, что имело предпосылки в стоицизме. Однако христианские богословы указывали на ограниченность аскетизма самого по себе как сугубо «технического» средства для достижения духовного спасения. Так, С. М. Зарин пишет: «“Аскетизм” имеет свою прямую и ближайшую целью приспособить естественные силы и способности человека к воспри-

ятию воздействия божественной благодати, сделать их органом, послушным и удобным орудием для достижения и осуществления в человеческой личности “вечной жизни”. Другими словами, — “аскетизм” является моментом христианского “освящения”, поскольку для осуществления последнего необходимы “и всякое внутреннее усилие — заботы, молитвы, попечения и всякое внешнее борение и препобеждение препятствий”» [7, с. 11–12].

Аскетизм был важным, но далеко не единственным и не основным элементом христианского послушания. Интерес представляет позиция Ж. ле Гоффа и Н. Трюона: «Церковь постоянно стремилась расширить перечень ограничений в пище, обязательных для верующих. Таким образом она поддерживала свое влияние. По календарю, установившемуся с XIII века, три раза в неделю запрещалось есть мясо, особенно в пятницу, оно было под запретом в течение всего Великого и Рождественского постов, а также в течение трех дней в начале каждого сезона и накануне праздников. Устанавливая нормы жестикюляции и движений, Церковь ограничивала свободу тела в пространстве, а через календарные запреты — во времени» [8, с. 34–35].

Были широко распространены пенитенциалии, то есть «покаянные книги», которые тщательно регламентировали греховные проступки и наказание за их совершение, подразумевавшее в том числе и наказание трудом. Как мирянин, так и «традиционный святой XII в. — это субъект, постоянно ограничивающий себя, вечно себе отказывающий... Бедность Франциска была не только отказом от обладания и присвоения, это было новое отношение к миру...» [9, с. 326]. Суть этого «нового отношения к миру» состояла в убежденности относительно того, что зло в мире реально, мир лежит во зле, а следовательно, жить в мире и не сопротивляться злу силой собственного духа — это значит потакать злу. Поэтому дух нуждается в самодисциплине, без которой будут невозможны личное спасение и победа над злом.

Христианство существенно повлияло на формирование европейских культурных кодов и особенностей экономического мышления. Существенной представляется и роль томизма в рационализации понимания бытия, в формировании дисциплинарного общества Европы, в том числе основ тру-

довой этики. По мнению В. Зомбарта, «характерная особенность этого учения состоит в том, что оно соединяет в единое целое оба составных элемента, искони содержащихся в христианстве: религию любви и милосердия Павла и Августина и религию Закона; в том, что оно устраняет дуализм Закона и Евангелия. Оно осуществляет это тем, что переводит обе религии в соотношение двух расположенных одна за другой или одна над другой “целевых ступеней”, как их метко назвал Трельч: “... целевой ступени внутри мирской этики естественного закона с разумной целью организации единства и блага человечества во всех духовных и материальных ценностях противостоит целевая ступень надмирской этики, христианского нравственного закона, внутри которого все стремиться к сакраментально осуществляемому единению с Божественной жизненной субстанцией”» [10, с. 295–296].

Но дисциплинарные практики во времена европейского Средневековья были распространены и в светской жизни. Это, например, проявлялось в иерархической системе социальных разграничений между сословиями: *oratores* — «молящиеся», *bellatores* — «сражающиеся», *laboratores* — «работающие». Такая иерархия подразумевала совокупность ритуализированных табу, коренившуюся как в структурах традиционного общества, так и освящавшуюся религиозно, а потому ее считали сакральной. Постепенное утверждение концепта дисциплинарного общества, сначала в дискурсивных, а затем и в социально-политических практиках Европы, предопределяло и становление теории элиты. Если оптимальное состояние организации общества подразумевает применение рационализма, то должны существовать некие стандарты разумной организации, культурные образцы, с которыми и соотносится смысл как таковой.

М. Фуко пристально изучал природу, в том числе и скрытые механизмы власти в их исторической трансформации. Задачу осуществленной им «генеалогии власти» он видел в анализе специфичности, исторически обусловленных нюансов соотношения власти и знания, властных стратегий, эпистем и дискурсивных практик, поскольку именно это соотношение, эта диалектика определяет в итоге и отношение власти к человеку. Исторически обусловленные типы власти опираются на структуры норматив-

ного знания, сформированные при решающем участии власти.

Власть порождает соответствующую ей ритуализированную реальность как совокупность легитимизирующих власть смыслов и систему дискурсивных практик. Власть как таковая реализует волю к господству посредством контроля над знанием, объективацией претензий на интеллектуальное превосходство, что технологически закреплено управлением системой смыслов, в том числе и когнитивными структурами производственно-экономической деятельности, частью которых является организационная культура.

Становление дисциплинарных практик власти в европейской истории Фуко исследовал в ряде своих работ, которые приобрели широкую известность и признание. Исследуя формирование дисциплинарного общества в Европе, прежде всего в работах «История безумия в классическую эпоху» (1961), «Рождение клиники» (1963), «Надзирать и наказывать» (1975), Фуко приходит к выводу о репрессивном и тотальном характере дисциплинарных практик, которые сознательно и целенаправленно формируются и поддерживаются политическими властями эпохи модерна.

Технологии властного контроля над обществом и человеком изменяются, но остается неизменной их претензия на всеохватность общественного и индивидуального бытия. Особенность современной ему политической власти (то есть власти второй половины XX в. — *Прим. авт.*) заключается в том, что она при постмодерне не имеет центра и принципиально не персонифицируема даже при авторитаризме. Подобная власть стремится управлять посредством технологий социальной инженерии, и основой такой власти служит феномен паноптизма, предполагающий всенадзорность, непрерывную тотальность надзора и, как следствие, всеобъемлющее нормирование и дисциплинирование публичной и частной сферы.

Господство, основанное на паноптизме, осуществляется не с помощью вертикальных управленческих структур, а на базе горизонтальных структур, без видимых признаков принуждения. В. М. Подорога утверждает: «Идея паноптикона — это идея универсальной прозрачности. Уже Руссо видел совершенное общество как абсолютно прозрачное для его членов: ни одно отношение, ни один процесс... не может образовывать

неясную, непроницаемую для наблюдения сферу... Для это власти, власти анонимной, совершенно безразлично, кто осуществляет функции надзора и управления; власть становится тем более эффективной, чем менее она зависима от индивидуальных особенностей тех, кто осуществляет наблюдение» [11, с. 297–298].

Переход европейского общества из эпохи модерна в эпоху постмодерна подразумевал разрушение нарративов модерна, в первую очередь господства вертикальных дисциплинарных структур. Вместо вертикальных структур поддержания господства становятся необходимыми горизонтальные структуры, «горизонталью» является человеческое тело, человек как «форма». М. Фуко очень высоко ставил своего современника и во многом единомышленника Ж. Делеза (1929–1989).

Находясь под влиянием Фуко, Делез в своих работах с помощью метода структурализма искал ответ на вопрос о том, что такое горизонталь, и как форма общественной структуры, и как антипод «вертикали» модерна (имел в виду вертикальные и горизонтальные формы социальных связей. — *Прим. авт.*). Делез желал преодолеть, как ему казалось, ограниченность хайдеггеровской концепции Dasein'a, в том числе и как постижения бытия посредством личностного самоопределения. Он искал альтернативные хайдеггеровским трактовки соотношения мышления и бытия с помощью теории знака, концептуальные предпосылки которой уже существовали в европейской философии. Прежде всего — это семантическая и лексическая теория знака Ф. де Соссюра, где «знак» представлен как культурный код, который выражен главным образом мыслью.

Каковы базовые положения концепции философии Ж. Делеза? Во-первых, утверждение о том, что человек управляется желанием, но структура «желания» машинна, она имеет механические формы исполнения. Иными словами, эмоция человека — это желание, а удовлетворение «желания» — заранее расписанная структура действия. Во-вторых, Делез вводит понятия «ризома» и «ризомная личность». Ризома — основа совокупности витальных связей человека, своего рода его онтологическое корневище, то есть обозначение физиологии мышления человека, личность человека, уходящая вниз, в собственную природную сущность, а не вверх, не в иерархию социальных свя-

зей. Человек развивается не вверх, то есть в социум, а вниз, в глубину естественных и необходимых для поддержания и продолжения жизни ощущений. Между тем теория ризомы принята как основополагающая в политической социологии. Проявления так называемой ризомной личности могут быть различны и неожиданны, поскольку человек есть дивидуум, то есть делимая личность [12; 13].

М. Фуко развивал изложенные выше идеи. Согласно позиции Фуко, горизонталь образуется вследствие эффекта паноптикума, который он открыл и описал в работе «Надзирать и наказывать». В ней он исследовал особенности пенитенциарной системы западных стран, в основе которой и находился принцип «паноптикума», то есть постоянного наблюдения за заключенными. Только осознание заключенным того факта, что он находится под постоянным наблюдением, заставляло его корректировать свое поведение, осуществляя самоконтроль, согласно терминологии Фуко, «технику-себя». Эффект паноптикума, при котором самостоятельно человек определяет свои модели поведения, следит за собой, и ему только необходимо дать соответствующую установку, чрезвычайно характерен для общества постмодерна. Именно основанный на паноптикуме самоконтроль и есть то, что способно заменить господство вертикальных связей и их давление над человеком.

«Техника-себя» порождена осознанием человеком осуществления тотального контроля над собой. Это навязанная обществом человеку самоцензура, власть которой с развитием технологий только усиливается. Человек контролирует себя, если он хочет быть единицей общества. На этом и основаны такие формы социальной инженерии, как «организационная культура» и организационное поведение». Таким образом, постмодернизм стремится уничтожить все, что заставляет человека идентифицировать себя с любыми коллективами. М. Фуко лишь констатировал тот факт, что власть кодов и установлений завершилась с окончанием эпохи модерна. В постмодерне «техника-себя» приводит человека к морали конкретного поступка как выбора из проработанных мыслью альтернатив поведения, возможных и поощряемых в условиях паноптикума.

Все эти тенденции свидетельствуют о том, что общество постоянно усложняется и что

очень многие важнейшие компетенции, востребованные обществом, невозможно получить без дисциплины. Чрезвычайно велика роль дисциплинарных практик (например, в воспитании в человеке волевого начала, без которого качественное развитие личности будет невозможным). Поэтому задача

организационной культуры состоит в нахождении способов, при которых человек, будучи дисциплинированным в приемлемых для общества рамках, сохраняет стремление к творчеству, что также необходимо для общества как одно из важнейших условий его развития.

Список источников

1. Корпоративный сайт как инструмент формирования и развития организационной культуры // RefManagement. URL: <http://www.refmanagement.ru/ritem-2194-2.html> (дата обращения: 11.01.2024).
2. Прикладная культурология. Энциклопедия / сост., науч. ред. И. М. Быховская. М.: Сoglasie, 2019. 846 с.
3. *Вышеславцев Б. П.* Кризис индустриальной культуры. Марксизм, неосоциализм, неолиберализм. Нью-Йорк: Chalidze Publications, 1982. 352 с.
4. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От этических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. 576 с.
5. *Марк Аврелий.* Наедине с собой. Размышления / пер. с греч. // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий / сост., подгот. текста В. В. Сапов. М.: Республика, 1995. С. 271–357.
6. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумов. М.: Ад Маргинем Пресс, 1999. 480 с.
7. *Зарин С. М.* Аскетизм по православно-христианскому учению. М.: Православный паломник, 1996. 694 с.
8. *Ле Гофф Ж., Трюон Н.* История тела в средние века / пер. с фр. Е. А. Лебедевой. М.: Текст, 2008. 189 с.
9. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. Е. А. Лебедевой. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
10. *Зомбарт В.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Буржуа. К истории духовного развития современного экономического человека / пер. с нем. СПб.: Владимир Даль, 2005. 637 с.
11. *Подорога В. М.* Фуко: археология современности. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2021. 384 с.
12. *Делез Ж.* Различие и повторение / пер. с фр. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
13. *Делез Ж.* Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.

References

1. Corporate website as a tool for the formation and development of organizational culture. RefManagement. URL: <http://www.refmanagement.ru/ritem-2194-2.html> (accessed on 11.01.2024). (In Russ.).
2. Bykhovskaya I.M., comp., ed. Applied cultural studies. Encyclopedia. Moscow: Soglasie; 2019. 846 p. (In Russ.).
3. Vysheslavtzeff B. Crisis of industrial culture: Marxism, neosocialism, neoliberalism. New York, NY: Chalidze Publications; 1982. 352 p. (In Russ.).
4. Lebedev A.V., ed. The fragments of the Early Greek philosophers: From the epic theocosmogonies to the birth of atomistics. Moscow: Nauka; 1989. 576 p. (In Russ.).
5. Marcus Aurelius. Alone with yourself. The meditations. Transl. from Greek. In: Sapov V.V., comp. Roman stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius. Moscow: Respublika; 1995:271-357. (In Russ.).
6. Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison. Paris: Éditions Gallimard; 1975. 400 p. (Russ. ed.: Foucault M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. Moscow: Ad Marginem; 1999. 480 p.).
7. Zarin S.M. Asceticism according to Orthodox Christian teaching. Moscow: Pravoslavnyi palomnik; 1996. 694 p. (In Russ.).
8. Le Goff J., Truong N. Une histoire du corps au Moyen Âge. Paris: Éditions Liana Levi; 2003. 200 p. (Russ. ed.: Le Goff J., Truong N. Istoriya tela v srednie veka. Moscow: Tekst; 2008. 189 p.).
9. Le Goff J. La civilisation de l'Occident médiéval. Paris: Éditions Arthaud; 1984. 510 p. (Russ. ed.: Le Goff J. Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada. Moscow: Progress; Progress-Akademiya; 1992. 376 p.).

10. Sombart W. Der Bourgeois: Zur Geistesgeschichte des modernen Wirtschaftsmenschen. München, Leipzig: Duncker & Humblot; 1913. 560 p. (Russ. ed.: Sombart W. Sobranie sochinenii. In 3 vols. Vol. 1: K istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka. St. Petersburg: Vladimir Dal'; 2005. 637 p.).
11. Podoroga V.M. Foucault: Archeology of modern times. Moscow: Kanon+; 2021. 384 p. (In Russ.).
12. Deleuze G. Différence et répétition. Paris: Presses Universitaires de France (PUF); 1969. 416 p. (Russ. ed.: Deleuze G. Razlichie i povtorenie. St. Petersburg: Petropolis; 1998. 348 p.).
13. Deleuze G. Logique du sens. Paris: Les Éditions de Minuit; 1969. 392 p. (Russ. ed.: Deleuze G. Logika smysla. Moscow: Raritet; Ekaterinburg: Delovaya kniga; 1998. 480 p.).

Сведения об авторе

Андрей Евгеньевич Вологин

аспирант

Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики

190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр.,
д. 44а

Поступила в редакцию 25.03.2024
Прошла рецензирование 18.04.2024
Подписана в печать 24.05.2024

Information about the author

Andrey E. Volgin

postgraduate student

St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020,
Russia

Received 25.03.2024
Revised 18.04.2024
Accepted 24.05.2024

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest
related to the publication of this article.